

Патрушев Сергей

Свет или Тьма

Сергей Патрушев

Свет или тьма

<https://litres.ru/74521339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уволенная из корпорации, Алиса стоит на берегу в шаге от отчаяния. Встреча с циничным контрабандистом Дрейком запускает цепь событий, ведущую к подножию Чёрного Замка — живой цитадели, питающейся человеческим страхом.

Спускаясь во тьму, сквозь залы воинов и сады-ловушки, герои теряют ресурсы, но обретают себя. Финальная битва меняет правила: чтобы победить Древнего Хозяина, не нужно больше света. Нужно дать его тени право на выбор.

Содержание

Глава 1. Песчаный берег	4
Глава 2. Незнакомец у воды	25
Глава 3. Легенда о чёрном замке	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Патрушев

Свет или тьма

Глава 1. Песчаный берег

Песок был еще теплым, но уже не обжигал ступни, как днем. Он отдавал накопленное за долгие часы палящего солнца тепло медленно, бархатно, словно выдыхая после тяжелого рабочего дня. Алиса сняла легкие парусиновые туфли на самом краю деревянного настила и теперь стояла на границе двух миров: надежного, пахнущего смолой дерева и зыбкого, рассыпающегося под пальцами серого песка. Она сделала шаг, потом другой. Мелкие камушки и обломки ракушек впивались в кожу, заставляя морщиться, но эта боль была правильной. Настоящей. В отличие от всего остального.

Море дышало ровно и глубоко. Вечерний бриз, налетающий с воды, нес запах соли, йода и далеких, невидимых отсюда цветущих лугов. Солнце опускалось к горизонту тяжело, лениво, окрашивая водную гладь сначала в расплавленное золото, а затем, по мере своего угасания, заливая ее густым багрянцем и фиолетом. Небо над головой оставалось пронзительно-синим, почти черным у самого зенита, где уже проклевывались первые, самые смелые звезды.

Картина была совершенной. Открытка из глянцевого журнала о красивой жизни. Курортный роман, который никогда не случится. Идеальный фон для счастливой женщины, медитирующей перед сном.

Алиса опустилаcь прямо там, где остановилась, подогнув ноги под себя. Шелковое платье цвета пыльной розы — единственное нарядное, что она взяла с собой в эту внезапную поездку — тут же пропиталось прохладой вечернего песка. Ей было все равно. Она обхватила колени руками, положив на них подбородок, и посмотрела на воду.

Вокруг было поразительно пусто. Сезон официально закончился неделю назад. Дорогие отели закрылись один за другим, их сияющие фасады потухли, погружившись в экононый сон до следующей весны. Исчезли шумные компании молодежи с колонками, орущими дешевым поп-хитом; растворились степенные семьи с детьми, строящими песчаные замки; пропали влюбленные пары, целующиеся на каждом пирсе. пляж принадлежал ей одной, если не считать старой чайки, нахохлившейся на покосившемся волнорезе метрах в ста левее. Чайка смотрела на море с таким же вселенским равнодушием, с каким охранник бизнес-центра смотрит на турникеты.

Красота давила. Эта оглушающая, стерильная красота чужого отпуска ощущалась как насмешка. Тишина здесь тоже была чужой. Это не была уютная тишина загородного дома, когда слышно, как тикают часы и гудит холодильник. Это

была вакуумная, плотная тишина огромного пространства, которая заполняет тебя изнутри, вытесняя собственные мысли, чтобы заменить их гулкой тревогой. Одиночество навалилось внезапно, тяжелым шерстяным одеялом, перекрывающим кислород. Оно пришло не извне — оно всегда жило внутри, просто сейчас, в отсутствие городского шума и офисных звонков, ему больше не нужно было прятаться.

Алиса закрыла глаза, пытаясь удержать слезы привычным усилием воли, стиснуть челюсти, сделать глубокий вдох, как учил тот платный коуч на вебинаре «Эмоциональный интеллект лидера». Не помогло. Ком встал в горле колючим, шершавым комком. Ресницы предательски дрогнули, и первая горячая капля сорвалась вниз, мгновенно теряясь на щеке среди соленого морского ветра.

Она плакала беззвучно. Слезы текли непрерывным горячим потоком, скатываясь к уголкам губ и оставляя на языке привкус собственной горечи. Она плакала не потому, что ей было больно прямо сейчас. Боль стала настолько хронической, фоново-тягучей, что превратилась в часть личности, как родимое пятно на плече. Она плакала от усталости. От той вязкой, свинцовой усталости, которую нельзя смыть восьмичасовым сном или неделей на море.

«Нужной», — прошептала она песку, и ветер тут же украл это слово.

Когда она в последний раз чувствовала себя нужной? По-настоящему, без оговорок? Не полезной функцией, не удоб-

ным инструментом, не исполнительным механизмом?

Память услужливо подбросила картинку офиса. Стекло, бетон, открытые пространства опенспейса, которые архитекторы почему-то называли «способствующими синергии», хотя на деле они лишь лишали человека права на личное горе или тихую радость. Утро понедельника две недели назад. За секунду до того, как мир окончательно потерял смысл.

— Алис, зайди, — голос генерального директора в мессенджере был сухим, деловым. Ни заглавных букв, ни точки в конце. Как команда собаке.

Она зашла. Его кабинет выходил окнами на ту же сторону, что и ее рабочее место, только этажом выше. Отсюда город казался макетом, игрушечным и безопасным. Директор сидел в своем эргономичном кресле, постукивая дорогим перьевым паркером по столешнице из массива дуба. На его лице читалась смесь скуки и плохо скрываемого раздражения. Раздражения от необходимости выполнять неприятную работу.

— Садись, — он кивнул на стул для посетителей. Стул стоял так, что свет из окна бил прямо в глаза сидящему. Классическая психологическая уловка, которой его явно научили на очередном курсе МВА. — Кофе будешь?

— Нет, спасибо, Игорь Сергеевич. Я только что налила себе.

Ее кружка стояла на столе. Белая, керамическая, с едва заметной трещинкой у ручки. Она привезла ее из первой ко-

мандировки в Нижний Новгород пять лет назад. Внутри еще оставался глоток остывшего эспрессо.

Он вздохнул, отложил ручку. Сложил руки домиком, внимательно изучая ее лицо, будто видел впервые. Или, наоборот, слишком хорошо знал. — Рынок меняется, Алиса. Ты сама видишь цифры. Конверсия падает третий квартал подряд. Инвесторы нервничают. Нам нужна свежая кровь. Молодая, голодная, диджитал-нативная. Без... ну, ты понимаешь. Без старых паттернов.

— Мои показатели в норме, — тихо сказала она. Горло пересохло. — Отдел выполняет KPI. Рекламные кампании мы вытянули даже в июле, вопреки сезонности. Данные аналитики...

— Данные аналитики говорят, что твой подход работает на удержание, но не на взрывной рост, — перебил он. Голос стал жестким, металлическим. — Мы благодарны тебе за эти годы. Честно. Выходное пособие будет щедрым. Три оклада, плюс компенсация неиспользованного отпуска за этот год. Юристы подготовят бумаги сегодня к вечеру. HR проведет экзит-интервью. И... пожалуйста, освободи стол до конца дня. Команда морально не готова к затяжным прощаниям, сам знаешь, атмосфера портится.

Три оклада. Экзит-интервью. Освободи стол.

Никто не смотрел на десять лет ее жизни. На те бессонные ночи во время запуска продукта, когда она засыпала на раскладушке в переговорке. На то, как она тянула на себе по-

ловину смежных отделов, пока искали новых сотрудников. На ее идеи, три из которых принесли компании миллионы чистой прибыли. Ее аккуратно упаковали в коробку с надписью «Ликвидация неэффективных активов» и поставили на конвейер.

Самым страшным было не само увольнение. Самым страшным было осознание, которое накрыло ее позже, вечером, когда она механически складывала в картонные коробки свои вещи: рамку с фотографией корпоратива (все улыбаются, пьют дешевое шампанское), засохший цветок в горшке, стопку блокнотов. Никто. Ни один человек. За весь день никто не подошел и не спросил: «Алис, ты как? Что случилось? Куда ты теперь?»

Коллеги отводили глаза, торопливо пробегая мимо к кулеру. Кто-то фальшиво-сочувственно цокал языком. Начальник соседнего департамента, с которым они дружили и ходили обедать в одну кулинарию, прислал стикер с плачущим котиком в общий чат отдела и тут же удалил сообщение, видимо, испугавшись, что это увидит руководство.

Вечером, когда она выносила последнюю коробку, полная девочка-стажерка из маркетинга, имени которой Алиса даже не знала, перегородила ей дорогу. — Ой, а можно я возьму ваш кактус? У него такой классный горшочек в стиле лофт, мне очень нужен для композиции в сторис.

Кактус. Забрали даже гребаный пластиковый кактус, который она купила, потому что живые растения у нее вечно

сохли от недосыпа.

Вот тогда она поняла. Она не была человеком. Она была набором функций. Была интерфейсом между хаосом задач и порядком отчетов. Когда интерфейс устарел и перестал поддерживать новые обновления системы, его просто деинсталлировали. Бесшумно и эффективно.

Золото на воде сменилось тяжелой медью. Закат стремительно догорал. Воздух заметно посвежел, принося с моря ночную сырость. Алиса поежилась, плотнее обнимая колени. Воспоминание об офисе отступило, оставив после себя знакомую фантомную боль в груди, там, где анатомически находится сердце, но где, как ей иногда казалось, поселился кусок холодного, пористого камня.

Зачем она вообще сюда приехала? Решение купить билет на ближайший рейс до южного побережья было импульсивным, почти истерическим. Она вышла из офиса с коробками, села в такси, приехала домой, бросила в рюкзак первое, что выпало из шкафа, вызвала машину в аэропорт. Никакого плана. Никакого отеля — бронь она сделала уже в самолете через телефон, выбрав первый попавшийся вариант со словами «Тихий пляж» и «Вид на закат».

Она бежала. Но убежать от самой себя невозможно. Огромный, пустой номер с балконом оказался точно таким же, как ее квартира в спальном районе мегаполиса — местом, куда приходишь только поспать, прежде чем снова исчезнуть в рутине. Только вместо рутины бесконечных пра-

вок презентаций теперь была рутина бессмысленного лежа-
ния на шезлонге под солнцем, от которого слезились глаза.

Солнце коснулось кромки горизонта, разделив мир пополам. Верх остался небом, низ превратился в зеркало, отражающее пожар заката. Вода вспыхнула ослепительным алым светом. Алиса моргнула, прогоняя резь в глазах, и именно в этот момент услышала звук.

Это не были шаги. Шаги на влажном песке звучат иначе — чавкаяще, грузно. Этот звук был похож на шелест дорогой ткани или на то, как переворачивается страница в огромной книге. Легкий, сухой, абсолютно невозможный в этой перевозданной пустоте.

Она резко обернулась, инстинктивно напрягаясь. Справа, метрах в двадцати от нее, кто-то стоял.

Фигура выглядела человеческой, но какой-то смазанной, нечеткой, словно изображение с низким разрешением. Силуэт мужчины среднего роста, одетого во что-то простое, темное — джинсы и куртку, совершенно неподходящие для пляжа в теплый вечер. Свет заходящего солнца бил ему в спину, превращая лицо в сплошное черное пятно, в негатив фотографии. Он не двигался. Просто стоял и смотрел на нее. Расстояние было небольшим, но Алиса никак не могла сфокусировать взгляд. Детали отказывались собираться в цельный образ: черты лица расплывались, контуры рук дрожали, как марево над асфальтом в жару.

Сердце пропустило удар, а затем забилось часто и паниче-

ски. Маньяк? Местный сумасшедший? Охранник закрытой территории, решивший проявить бдительность?

— Эй! — хрипло крикнула она, надеясь, что голос прозвучит уверенно и угрожающе. Вышло жалко, высоко. — Здесь частная территория! Вам помочь?

Последнее слово вырвалось случайно, против воли. Глупый рефлекс воспитанной девочки, которая даже перед лицом опасности пытается быть вежливой.

Незнакомец не ответил. Он не пошевелился. Даже ветер, казалось, обходил его стороной — полы его куртки висели абсолютно неподвижно, игнорируя свежий порыв бриза. Он просто стоял черной, плотной кляксой на фоне пылающего неба.

Страх ледяной волной прошел по позвоночнику. Алиса начала медленно, стараясь не делать резких движений, подниматься на ноги. Песок предательски осыпался, нога поехала. Она чуть не упала, нелепо взмахнув руками. Краем глаза она заметила старую корягу, выброшенную штормом — узловатый, тяжелый сук. Если что, она успеет схватить...

— Тебе не страшно, — сказал мужчина.

Голос был странным. Спокойным, глубоким, лишенным всяких эмоций. В нем не было угрозы, но не было и тепла. Так мог бы говорить океан, если бы решил заговорить с отдельно взятой песчинкой. Звук исходил отовсюду сразу — и от фигуры, и от моря, и, кажется, прямо из центра головы Алисы.

От неожиданности она замерла, так и не выпрямившись до конца. Колени мелко дрожали. — Что вам нужно? Я сейчас закричу. Тут есть охрана в отеле!

— Они не придут, — произнес силуэт. — Их нет. Есть только песок, вода и ты. И кричать бесполезно. Звук страха тонет в прибое быстрее, чем брошенный камень.

Он сделал шаг. Всего один. Движение было плавным, перетекающим. Черты его лица начали проступать из тени, словно проявляясь на фотобумаге в ванночке с химикатами. Высокий лоб, прямой нос, плотно сжатые губы. Лицо показалось Алисе смутно знакомым, но она не могла понять, откуда. Так выглядят люди из снов — вроде бы обычный прохожий, но подсознание кричит, что ты знаешь его всю жизнь.

— Кто вы? — выдохнула она.

Он склонил голову набок, рассматривая ее с легким, почти научным любопытством энтомолога, поймавшего редкую бабочку. — Называй меня Элей. Тебе так будет проще перевести непере译имое. Хотя имя — это всего лишь частота вибрации. Ты чувствуешь мою вибрацию, Алиса? Она тяжелая?

Откуда он знает ее имя? Паника снова попыталась захлестнуть разум, липкая и парализующая. Она оглянулась через плечо. До спасительных огней отеля, до набережной, до людей — метров четыреста по рыхлому песку. Бежать в длинном платье, увязая по щиколотку, — самоубийство. Да и сил бежать не было. Вся энергия ушла в этот закат и в эти

слезы.

— Оставайтесь на месте, — сказала она, стараясь придать голосу твердость. — Я не знаю, чего вы хотите, но у меня ничего нет. Телефон разрядился. Денег с собой мало.

Элей тихо, гортанно рассмеялся. Смех не имел ничего общего с весельем. Это был звук трущихся друг о друга базальтовых плит. — Мне не нужны твои деньги. И твой мертвый прямоугольник пластика мне тоже безразличен. Разве может металл интересоваться цветом? Разве может калькулятор скорбеть о потере смысла? У тебя есть кое-что поважнее. То, что ты сейчас так щедро поливаешь солью.

Он кивнул на ее лицо. Алиса рефлекторно дернулась, размазывая слезы тыльной стороной ладони. Как он видит в этом полумраке? Света становилось все меньше, последние лучи солнца ныряли за горизонт, оставляя небо в густой, индиговой синеве.

— Вы псих, — прошептала она. — Я сейчас пойду. Пропустите меня.

— Иди, — легко согласился он и отступил на шаг в сторону, освобождая проход. — Только идти тебе некуда. Дом, из которого тебя выгнали за ненадобностью? Город, состоящий из таких же офисов, где сидят такие же Игори Сергеевичи и ждут, когда состарятся следующие Алисы? Или та съемная однушка с видом на кирпичную стену, где ты по вечерам делаешь вид, что смотришь сериалы, а на самом деле обновляешь почту в надежде, что хоть кому-то понадобится твоя

экспертиза? Куда ты собралась идти, мертвая душа?

Каждое слово било наотмашь. Он говорил правду. Жесткую, голую, неприкрытую никакой социальной вежливостью. У Алисы перехватило дыхание. Из последних сил она вцепилась в остатки собственного достоинства. — Вы следили за мной. Читали мои соцсети. Это низко.

— Соцсети? — Элей снова склонил голову, на этот раз с искренним недоумением. — Зачем мне читать ваши примитивные метрики социального одобрения? Лайки, репосты, охваты... Вы меряете свою ценность статистикой, как фермер измеряет урожайность пшеницы. Ты думаешь, твою душу уволили вместе с должностью? Нет. Тебя уволили гораздо раньше. Лет десять назад. Когда ты решила, что эффективность важнее бытия. Ты сама вышвырнула себя на этот берег, Алиса. Я просто пришел встретить посылку.

Воздух стал густым, тяжелым, им стало трудно дышать. Сквозь нарастающую темноту Алиса вдруг увидела деталь, от которой мороз продрал по коже. Из-под манжета куртки Элея показалась рука, когда он поправил воротник. Кожа на руке была неестественно бледной, почти восковой, полупрозрачной. И сквозь нее, пульсируя в такт чему-то незримо-му, просвечивала сложная сеть тонких, светящихся синим линиями. словно кровеносная система, нарисованная жидким фосфором. Или корни древнего дерева.

— Что вам нужно? — повторила она севшим голосом. Страх никуда не делся, но поверх него начало расти что-то

другое. Обреченность. Полное, абсолютное понимание того, что происходящее реально, но подчиняется законам, которых нет в уголовном кодексе или учебниках биологии.

— Мне нужна ты, — просто ответил он. — Вернее, то пространство, которое ты занимаешь. Твоя точка сборки. Ты пришла в состояние идеальной готовности. Капкан захлопнулся не сегодня в кабинете. Капкан щелкнул в тот день, когда маленькая девочка Алиса пообещала себе стать хорошей девочкой, чтобы мама перестала хмуриться. С тех пор ты только и делала, что пыталась быть нужной. Всем, кроме себя. А нужда — это самый надежный поводок. Хозяева меняются, поводок остается.

Он шагнул вперед. Теперь между ними было не более пяти шагов. Алиса почувствовала запах озона, как после грозы, смешанный с запахом старого пепла и холодной морской глубины.

— Не подходите, — выдавила она, выставляя вперед руку. Жалкий, детский жест.

— Я не могу причинить тебе вреда физического, — мягко, почти ласково сказал Элей. — Плоть для меня — это временная одежда, неудобная и тесная. Я не монстр из ваших сказок. Я — системная ошибка. Побочный эффект существования вашего вида. Там, где появляется осознанная свобода воли, неизбежно возникает трещина. А в трещине живу я.

— Свобода воли? — горько усмехнулась Алиса. — Ка-

кая свобода? Меня выбросили на помойку, как сломанную вещь! Мой парень ушел полгода назад, сказав, что я похожа на просроченный йогурт — снаружи красивая упаковка, а внутри уже пошел процесс гниения ответственности. Моя лучшая подруга звонит только чтобы рассказать, как выгодно вложилась в крипту. Где здесь воля? Меня несет течением, как этот мусор! — она пнула ногой сухую водоросль, запутавшуюся в песке.

— Вот именно, — кивнул Элей. Его лицо теперь было полностью освещено остаточным светом неба, и Алиса с ужасом поняла, что у него нет зрачков. Белки глаз затягивали два идеально отполированных обсидиана, отражающих умирающий закат целиком. — Течение. Вы называете это судьбой, кармой, планированием карьеры. А это просто гравитация отчаяния. Ты катишься вниз по склону, потому что отказалась использовать ноги. Удобно. Не нужно принимать решений. Можно винить Игоря Сергеевича. Можно винить бывшего. Можно винить экономику. Но решение встать на этот пляж приняла ты. Решение поверить, что ты никому не нужна — тоже ты. Это и есть пик твоей свободы. Грань.

Он протянул к ней руку. Ту самую, со светящимися синими венами. Пальцы были длинными, суставчатыми. — Дай мне ладонь. Один миг боли, сравнимый с отрывом пластыря от зажившей раны, и вся эта тяжесть уйдет. Ты перестанешь чувствовать себя ненужной. Потому что некому будет чувствовать. Будет просто чистый лист. Теплая, спокойная пу-

стота. Никаких закатов, от которых хочется выть. Никаких воспоминаний об офисном кулере. Никакого одиночества.

Алиса смотрела на его ладонь. Это было так соблазнительно. Просто прекратить. Перестать барахтаться. Сколько раз за этот месяц, за этот год, за эти десять лет она думала о том, чтобы просто выключить рубильник? Сон без сновидений казался высшим благом.

Но что-то внутри шевельнулось. Маленькое, злое, упрямое. То самое, что заставило ее швырнуть заявление об уходе в лицо первому начальнику много лет назад, когда он попытался списать на нее чужую ошибку. То, что заставляло ее чинить кофемашину в офисе, хотя это не входило в обязанности руководителя аналитического отдела.

— Почему я? — спросила она, глядя в черные зеркала его глаз. — На пляже тысячи людей. Найди кого-нибудь другого. Более несчастного.

— Несчастье — это эмоция, — терпеливо, как учитель туловатому ученику, объяснил Элей. — А эмоции обратимы. Сегодня ты плачешь, завтра купишь новое платье и бокал просекко, и иллюзия вернется. Мне не нужны драмы. Мне нужна окончательность. Твой переход от надежды к смирению идеален. Ты стоишь на берегу небытия добровольно. Осталось сделать лишь полшага.

— А если я откажусь? — голос Алисы дрогнул, но она задрала подбородок.

Уголок рта Элея едва заметно дернулся вверх. Это могло

быть началом улыбки, если бы камни могли улыбаться. — Ты не откажешься. Люди никогда не отказываются. Ваша хваленая свободная воля заканчивается ровно там, где начинается настоящая усталость. Вы готовы отдать бессмертие души за возможность наконец-то просто лечь и закрыть глаза навсегда.

Его пальцы оказались в сантиметрах от ее лица. Алиса ощутила идущий от них холод — не физический мороз, а метафизическую стужу, вымораживающую самую суть вещей. Еще мгновение, и он коснется ее лба, переносицы, сомкнутых век...

И в этот момент чайка на волнорезе громко, отчаянно и зло вскрикнула. Резкий, рваный звук разорвал сгущающийся морок. Птица сорвалась с места, тяжело хлопая крыльями, и полетела прочь от берега, в открытое, темнеющее море.

Звук птицы сработал как ушат ледяной воды. Иллюзия всемогущества этого существа дала сбой. Мир вокруг снова стал обычным пляжем. Холодным, ветреным, пахнущим водорослями. Опасным, но реальным.

Алиса не стала дожидаться прикосновения. Действуя на чистом адреналине, на животном инстинкте самосохранения, который пробудился от птичьего крика, она резко качнулась влево, уходя с линии его вытянутой руки. Песок разъехался под ногами. Теряя равновесие, она упала на четвереньки, больно ударившись коленями об острый край спрятавшейся в песке ракушки.

Не оглядываясь, не думая, она рванулась вперед, к воде. Соленые брызги ударили в лицо. Волна, шипя, лизнула ее ладони. Вода была ледяной — осеннее море совсем не походило на летний кисель.

— Бежать некуда, Алиса! — голос Элея раздался прямо за спиной. Он не спешил, зная, что погоня — это лишь игра для успокоения добычи. — Берег длинный, но конечный. Я — везде.

Она вбежала в воду по пояс. Мокрое платье облепило ноги, мешая двигаться, тянуло на дно. Ледяные иглы холода вонзились в тело, вымывая остатки тепла. Дыхание перехватило. — Тогда утопись вместе со мной! — выкрикнула она в ночь, в равнодушное звездное небо, в темные массы воды. Слезы смешались с морской водой, и она больше не понимала, где кончается ее лицо и начинается мировой океан. — Попробуй забрать то, что принадлежит бездне! Посмотрим, чья пустота окажется глубже!

Она сделала еще шаг. Ноги потеряли опору. Дно резко ушло из-под ступней. Алиса ушла под воду с головой.

Холод сдавил грудную клетку стальными тисками. Темнота. Давление на уши. Рот сам собой открылся, готовясь втянуть смертоносную воду. Легкие горели огнем, требуя кислорода. Инстинкт выживания взвыл сиреной. *Живи!*

Она бешено заработала руками и ногами, толкая тяжелое, намокшее платье вверх. Вынырнула, жадно хватая ртом воздух — холодный, соленый, сладкий, как нектар. Кашель со-

тряс ее плечи.

Волна накрыла ее снова, перевернула, закрутила в мутном водовороте. Она потеряла ориентацию, где верх, где низ. Сердце молотило в ребра так, что, казалось, проломит их. Перед глазами поплыли красные круги.

Где он? Оглянуться было страшно. Казалось, стоит повернуть голову, и она встретит взглядом обсидиановые провалы его глаз прямо здесь, в черной воде.

Собрав последние силы, Алиса оттолкнулась от дна, которое внезапно оказалось близко, и поплыла. Не к берегу. Прочь от него. В открытое море, вслед за улетевшей чайкой. Куда угодно, лишь бы подальше от этого песка, от этого голоса, от этой финальной, безупречной логики капитуляции.

Каждый гребок давался ценой невероятных усилий. Мышцы сводило судорогой от холода. Платье превратилось в мокрый саван. Она плыла в темноте, ориентируясь только на редкие, тусклые огни далекой набережной, которые прыгали на волнах.

Сколько прошло времени? Минута? Десять? Время потеряло линейность. Был только ритм: гребок-вдох-гребок-вдох. Боль в плечах. Огонь в легких. И звенящая мысль в голове, очищенная от всех социальных страхов, от ипотек и квартальных отчетов:

Я не хочу.

Простая, эгоистичная, самая честная мысль в ее жизни. Я не хочу исчезать. Пусть я буду одна. Пусть я буду старая,

бедная, безработная, никому не нужная секретарша на пенсии. Пусть мой бывший женится на модели, а Игорь Сергеевич наймет двадцатилетнюю девочку, которая будет называть его задачи «челленджами». Пусть. Но пусть останется это чувство ледяной воды на коже. Пусть останется вкус соли на губах. Пусть останется эта мучительная, выворачивающая наизнанку потребность видеть завтрашний рассвет.

Эта потребность жить оказалась сильнее желания покоя.

Берег отдалился, превратившись в темную полосу. Сил почти не осталось. Еще один гребок. Еще один. Вода начала настойчиво заползать в нос и рот. Цианоз подступал мягкими лапами.

Вдруг что-то твердое ударило ее по спине. Дерево. Она вцепилась в него онемевшими пальцами, подтягивая свое бесчувственное тело. Старый деревянный буй, отвязавшийся от причала, или просто крупная коряга. Неважно. Спасение.

Она легла на него грудью, перекинув через мокрую деревяшку руки. Тело трясло крупной, неудержимой дрожью — организм пытался сгенерировать хоть немного тепла. Зубы выбивали дробь. Но она дышала. Судорожно, вздохом, но воздухом.

Огни города стали крошечными. Море качало ее мягко, убаюкивающе. Где-то далеко, на грани слуха, все еще кричала чайка.

Алиса подняла голову, всматриваясь в темноту позади.

Там, где она оставила пляж, не было никого. Никакой черной фигуры. Никакого Элея. Только бескрайняя тьма воды и огромная, нависающая громада звездного неба.

Она заплакала снова. Но это были другие слезы. Не слезы жалости к себе, не слезы унижения из-за увольнения. Это были слезы чистого, животного ужаса пережитой смерти и острого, невыносимого счастья возвращения.

Она жива. Она выбрала. Впервые за долгие годы она сделала выбор не в пользу удобства, не в пользу чужого одобрения, не в пользу безболезненного сна. Она выбрала муку существования. И в этой муке было больше смысла, чем во всех годовых отчетах ее бывшей компании.

Над горизонтом, прорезая бархат ночи, показалась тонкая, серебряная линия. Луна выходила из-за облаков, заливая мертвым, призрачным светом волны. Впереди, в этом лунном свете, Алиса разглядела очертания скал. Другого берега. Другой земли.

Она слабо оттолкнулась от бревна ногами, задавая направление. Плыть было все еще невыносимо тяжело, но теперь каждый гребок сопровождался странной, кривой улыбкой, примерзшей к ее посиневшим губам.

Пустота внутри никуда не делась. Место, выжженное годами компромиссов, все еще саднило. Но теперь эта пустота не была дырой, всасывающей ее внутрь. Теперь это было свободное место. Контейнер. Пространство, которое можно было заполнить. Чем угодно. Кем угодно. Даже ею самой.

Вода вокруг продолжала тихо шуметь, храня тайну встречи на песчаном берегу. Алиса больше не была частью красивого пейзажа на открытке. Она стала точкой посреди океана. Одинокая, замерзшая, потерявшая все, кроме своей ничемной, иррациональной, прекрасной жизни.

Глава 2. Незнакомец у воды

Луна поднималась выше, превращая черную воду в жидкое ртутное зеркало. Холод перестал быть врагом и стал данностью, фоном, на котором пульсировала единственная важная мысль: «Я дышу». Алиса лежала грудью на мокром, скользком дереве старого буя, обхватив его руками так, что побелели костяшки. Мышцы спины свело тупой, ноющей судорогой от многочасового напряжения, ноги онемели до состояния деревянных протезов, а кожа горела миллионами невидимых иголок — возвращающееся кровообращение пыталось реанимировать замерзшие ткани.

Она не знала, сколько времени провела вот так, раскачиваясь на волнах между небом и бездной. Десять минут? Час? Время потеряло свою линейность там, на берегу, под взглядом черных глаз Элея, и пока не спешило возвращаться. В голове стоял легкий, звенящий гул, вытесняющий страх. Осталась только звенящая пустота, которую она теперь ощущала не как вакуум, засасывающий душу, а как чистую, вымытую дождем чашу.

Берег исчез. Огни далекого города слились в единую тусклую гирлянду на горизонте, растворившись в ночной дымке. Впереди, куда ее медленно, но верно сносило ленивым прибрежным течением, маячила темная масса скал. Они казались монолитными, неприступными, вырастающими прямо

из воды. Это пугало, но одновременно и притягивало. Там была твердая земля. Там можно было упасть и больше никуда не идти.

Именно в тот момент, когда Алиса начала всерьез прикидывать свои шансы добраться вплавь до этих камней — шансы были удручающе малы, учитывая вес намокшего платья и свинцовую усталость в плечах — справа по борту раздался тихий плеск. Не шум прибоя, бьющегося о камни, и не хлопанье крыльев птицы. Ритмичный, мерный звук погружаемого в воду весла или лопасти.

Алиса резко дернула головой, поворачиваясь всем телом. Движение отозвалось болью в шейных позвонках. Из темноты к ней бесшумно скользила длинная, низкая лодка. Она была черной, сливающейся с водой, без единого фонаря. На таких обычно выходят браконьеры или контрабандисты, избегающие внимания береговой охраны. Нос лодки разрезал воду мягко, почти деликатно.

На корме кто-то сидел. Силуэт был четким на фоне светлеющего лунного неба. Высокая фигура, широкие плечи. Человек греб одним длинным веслом, совершая плавные, экономичные движения опытного моряка. Он не суетился, не кричал спасительных банальностей вроде «Держитесь!», которые обычно раздаются в кино. Он просто методично сокращал расстояние между ними.

Лодка подошла вплотную, ткнувшись резиновым кранцем в деревянный бок буя. Буй качнуло, Алису бросило вперед, и

она инстинктивно вцепилась пальцами в низкий борт суденышка. Дерево оказалось теплым. Странно, физически теплым, словно простояло весь день на солнце, хотя ночь была прохладной, а вода ледяной.

— Выглядишь так, будто пыталась договориться с Левиафаном, — произнес человек. Голос был глубоким, спокойным, с легкой хрипотцой человека, который много молчит или живет рядом с морем. В нем не было ни паники, ни фальшивого героизма. Обыденная констатация факта.

Он отложил весло, которое аккуратно легло вдоль борта само собой, закрепленное хитрым стопором, и перегнулся через край. Протянул руку. Кисть была широкой, пальцы длинными и сильными, покрытыми мозолями от веревок. Никаких колец, никаких часов. Только старая серебряная цепочка-браслет, глубоко въевшаяся в запястье.

— Давай сюда, — сказал он. — Вода сейчас градусов четырнадцать. Еще полчаса, и твоя сердечно-сосудистая система решит уйти в бессрочный отпуск.

Алиса посмотрела на его руку, потом ему в лицо. Лунный свет падал сверху, резкими тенями очерчивая высокие скулы, прямой нос и темные глаза, в которых отражалось ночное небо. Волосы у него тоже были темными, влажными от мелкой водяной пыли, и стояли небрежным ежиком. Ему было лет тридцать пять, может, чуть меньше. Возраст, в котором мужская красота перестает требовать доказательств и начинает просто существовать — спокойно, уверенно, без надры-

ва. Но самым странным была его улыбка. Едва заметный изгиб уголков губ, лишенный всякого самодовольства. Улыбка того, кто знает какую-то важную тайну, но совершенно не собирается ею делиться, потому что тебе все равно будет смешно от чего-то другого.

— Я тяжелая, — прохрипела Алиса. Горло саднило от соли. — И платье весит тонну. Утянет вас обоих.

— Меня одному трудно утопить, — усмехнулся незнакомец. — А это корыто видело шторма, перед которыми твой заплыв — детская ванночка. Хватайся. Считаю до трех. Раз.

В его голосе появилась сталь. Не угроза, а абсолютная уверенность взрослого, уговаривающего ребенка принять лекарство. Спорить с таким бесполезно и глупо. Алиса вложила свою ледяную, дрожащую ладонь в его.

Его хватка была железной. Одним рывком, задействовав всю мощь широченной спины, он вытащил ее из воды, перевалил через низкий борт и буквально бросил на дно лодки. Точнее, не на дно, а на свернутый толстый плед грубой вязки. Плед оказался сухим и невероятно горячим, источающим запах овечьей шерсти, дыма и чего-то пряного, похожего на полынь.

Удар выбил из легких остатки воздуха. Алиса закашлялась, сворачиваясь клубком. Зубы наконец-то начали отступать настоящую, неконтролируемую дробь. Все тело превратилось в один сплошной спазм.

Незнакомец действовал быстро и точно. Ни одного лиш-

него движения. Он перебросил ей еще один сухой плед, тяжелый, как армейское одеяло. — Завернись. Полностью. Включая голову. Оставь только щелку для носа. И перестань дышать так часто, ты провоцируешь гипервентиляцию. Медленнее. Вот так. Вдох... выдох...

Он говорил, продолжая работать. Поднял весло, сделал несколько сильных гребков, разворачивая лодку носом к скалам. Затем полез под банку и достал старую металлическую флягу. Открутил крышку, плеснул немного прозрачной жидкости себе на ладонь — проверить крепость — и протянул Алисе. — Глотни. Маленькими порциями. Не нюхай.

Алиса послушно взяла флягу непослушными пальцами. Жидкость обожгла горло огнем. Это был чистый зерновой спирт, настоящий явно на чем-то хвойном и меде. Слезы брызнули из глаз сами собой, кашель согнул пополам, но после третьего спазма по телу начало разливаться густое, бархатное тепло. Оно шло от желудка к конечностям, растапливая ледяные оковы. Иллюзия спасения химическим путем, но какая же сладкая.

— Кто вы? — спросила она, когда смогла снова фокусировать взгляд. Ее зубы все еще стучали, но уже тише, переходя в фазу расслабления. Она сидела на дне лодки, завернутая в шерсть, напоминая бледную гусеницу в коконе.

Он пожал плечами, не отрывая взгляда от темной воды впереди. Его профиль в лунном свете казался высеченным из камня. — Тот, кто выходит в море, когда нормальные лю-

ди пьют теплое пиво в барах на набережной. Местный дурак. Иногда рыбак. Чаше — курьер для тех, кому не нравятся официальные таможенные декларации. Называй меня Дрейк. Фрэнсис задолжал мне пару монет за молчание в прошлой жизни, так что я решил пользоваться фамилией.

Шутка повисла в соленом воздухе. Она была настолько неуместной и абсурдной посреди ночного моря, что Алиса вдруг тихо, истерически рассмеялась. Смех перешел в новый приступ кашля, но это был здоровый смех. Живой.

— Алиса, — представилась она, плотнее кутаясь в плед. — Просто Алиса. Без исторических аллюзий. Хотя минуту назад я чувствовала себя Летучим голландцем женского пола.

— Летучие голландцы всегда ищут порт, чтобы избавиться от груза, — философски заметил Дрейк, работая веслом. — Вопрос лишь в том, мертвый это груз или живой. Ты выгрузила свой балласт там, на песке?

Откуда он знает про песок? Сердце Алисы пропустило удар. Паника, загнанная алкоголем и теплом в самый дальний угол сознания, попыталась поднять голову. Может, этот мрачный красавец работает на того, с обсидиановыми глазами? Может, это ловушка второго уровня? Спасение, чтобы забрать тебя наверняка, когда бдительность спит?

Дрейк почувствовал перемену в ее дыхании. Он повернул голову, и лунный свет упал на его глаза полностью. Они оказались карими, глубокого чайного цвета, с золотистыми ис-

крами вокруг зрачка. Совершенно человеческими. Плотскими. В них не было вселенской пустоты Элея. Была глубина, но это была глубина колодца, в котором живут лягушки и отражение облаков, а не бесконечная космическая бездна.

— Расслабься, — он кивком указал на горизонт позади нее. — Я видел вспышку. Не гроза. Свет преломляется иначе. Когда большая масса стоячей воли сталкивается с океаном, воздух трещит, как стекло. Плюс чаек разметало взрывной волной метров на триста вверх по ветру. Чайки — отличные индикаторы метафизических возмущений. Если они начинают гадить на лету от ужаса — дело серьезное. Я понял, что пора заводить мотор.

Его слова должны были звучать как полный бред сумасшедшего. Но после встречи на пляже они ложились в картину мира идеально, недостающими пазлами. Этот человек знал правила игры. Или, по крайней мере, читал ту же книгу правил, что и она.

— Он хотел, чтобы я сдалась, — сказала Алиса, глядя на свои руки, сжимающие края пледа. Шерсть колола кожу, возвращая ощущение собственного тела. — Сказал, что свобода воли заканчивается там, где начинается настоящая усталость.

— Красиво стелил, — одобрил Дрейк, налегая на весло. Лодка заметно ускорилась, огибая выступающий из воды риф. — Классический торг души. Демоны высокого ранга вообще любят эстетику экзистенциализма. Им льстит ду-

мать, что они понимают Кафку. На деле они просто очень эффективные коллекторы просроченных страхов. Усталость — их любимый крючок. На нем висит девяносто процентов вашего цивилизованного человечества. Офисные работники, матери троих детей, студенты-отличники. Все хотят нажать кнопку "Выход".

— А вы? — спросила Алиса. — Почему вы не нажали? Зачем вам выходить в штормовое море и подбирать мокрых барышень? Какова ваша мотивация, мистер Курьер-Для-Тех-Кому-Нужны-Декларации?

Дрейк впервые за долгое время по-настоящему улыбнулся. Широко, обнажая ровные белые зубы. Эта улыбка преобразила его лицо, стерев с него налет суровости. Теперь он выглядел мальчишкой, сбежавшим с уроков географии, чтобы построить плот. — Моя декларация проста, — ответил он. — Мне нравится смотреть, как мир пытается убить людей, а люди продолжают покупать мороженое и влюбляться в идиотов. Это лучший комедийный сериал во Вселенной. Кроме того, — он мотнул головой в сторону кормы, где под брезентом угадывались очертания каких-то длинных тюков, — если бы я сдался, партия редких медикаментов для лепрозория на восточном мысе осталась бы гнить на складе. А больные проказой крайне нетерпеливы. Им нужно лечиться здесь и сейчас.

Лодка вошла в полосу густой тени, отбрасываемой скалами. Звук изменился — эхо от весел стало глухим, замкну-

тым. Запахло гнилыми водорослями, мокрым камнем и озоном. Впереди показался узкий проход в каменной стене — естественная арка, за которой скрывалась небольшая бухта. Вода внутри была зеркально-гладкой, черной, как расплавленный битум.

Они проплыли под аркой, и Алиса невольно втянула голову в плечи — казалось, камень сейчас сомкнется и раздавит их. Но свод прошел в паре десятков сантиметров над макушкой Дрейка.

Бухта оказалась крошечным амфитеатром природы. Высокие отвесные стены закрывали ее от ветра и посторонних глаз со всех сторон. На одной из стен, прилепившись к камню, как гнездо ласточки, виднелось строение. Старая рыбацкая хижина. Дерево почернело от времени и соли, крыша просела, окна зияли темнотой. Место выглядело абсолютно заброшенным и идеальным убежищем для беглецов из реальности.

Дрейк мастерским движением весла погасил инерцию, и лодка мягко ткнулась носом в узкую полосу песка. Здесь, в защищенной от ветра бухте, действительно пахло летом — нагретым за день камнем и соснами, росшими где-то наверху, на плато.

— Добро пожаловать в мою холостяцкую берлогу, — объявил он, привязывая канат к ржавому кольцу, вбитому в скалу. — Отель обещал джакузи, но сервис оставляет желать лучшего. Зато соседей нет совсем. Можно петь фальшиво

хоть всю ночь.

Алиса продолжала сидеть, завернутая в кокон. Тепло спирта уступало место тяжелой, свинцовой усталости. Адреналиновый откат накрыл ее с головой. Мышцы, державшие напряжение последние часы, отказывались слушаться. Ночной кошмар наяву закончился, сменившись сюрреалистической сказкой. Мокрый шелк платья охлаждал даже сквозь шерстяные пледы.

— Выходи, — Дрейк протянул ей руку снова. На этот раз его ладонь была сухой и горячей. — Песок тут мягкий. Пойдешь босиком, ступни сведет судорогой от контраста температур. Я понесу твои вещи.

— У меня нет вещей, — пробормотала она, позволяя вытащить себя из лодки.

Ноги подкосились. Земля предательски качнулась навстречу. Если бы не его свободная рука, мгновенно обвившая ее талию стальной полосой, она бы рухнула лицом в гальку.

— Держись за шею, — скомандовал он буднично. — Обмороки входят в программу реабилитации утопающих, но ступеньки в хижину крутые, разобьешь нос.

Алиса неловко обняла его за плечи. От него пахло табаком — крепким, трубочным, дорогим — смолой, солью и мужчиной. Простым, здоровым запахом живого человека. Она уткнулась лбом ему в ключицу, пытаясь остановить головокружение. Он был огромным. По сравнению с ним она каза-

лась себе маленькой фарфоровой куклой, хрупкой и пустой внутри.

— Шаг, — командовал он, начиная подъем по едва различимой тропинке, вырубленной в скале. — Еще шаг. Правее, тут осыпь. Голову подними, балка низкая.

Они поднялись на небольшую площадку перед дверью хижины. Дрейк ногой толкнул низкую деревянную дверь. Та открылась с протяжным скрипом, выпуская наружу волну сухого, спертого воздуха, запаха сухих трав, пчелиного воска и старой бумаги.

Внутри было темно, но Дрейк двигался уверенно, на ощупь. Щелкнул кремневый механизм зажигалки. Затрещал фитиль, и стеклянная керосиновая лампа на столе разгорелась мягким, оранжевым светом, разгоняя тени по углам. Комната оказалась неожиданно уютной. Одна большая кровать, застеленная тяжелым лоскутным одеялом. Массивный дубовый стол, заваленный картами побережья, навигационными инструментами и книгами. Старый кожаный диван, продавленный посередине. На стенах — связки сушеных трав, рыболовные сети, похожие на пойманных призраков, и пожелтевшие фотографии парусников.

— Диван ваш, принцесса, — Дрейк помог ей дойти до низкого деревянного кресла у круглой чугунной печки. Печка была холодной. — Садись ближе к огню. Сейчас будем разводить революцию.

Он присел на корточки перед печкой, открыл тяжелую чу-

гунную дверцу. Внутри скопилась зола. Дрейк сноровисто скомкал старый номер местной газеты, подложил тонкие лучины, затем поленья. Пара ударов кресалом — и сухие щепки занялись рыжим пламенем. Вскоре огонь загудел, пожирая сухое дерево. Тепло пошло волной, заполняя пространство хижины.

Только сейчас, сидя в безопасности, освещенная живым огнем лампы, Алиса позволила себе по-настоящему посмотреть на своего спасителя. Он снял промокшую куртку, оставшись в простой черной футболке, которая липла к широким плечам и рельефным мышцам рук. Капли воды блестели в волосах на груди. Он двигался по дому хозяйственно: подошел к старому пузатому холодильнику, извлек оттуда две бутылки местного пива, открыв одну об угол стола. Протянул Алисе.

— Пей. Нужно восстановить электролиты. Спирт расширяет сосуды, но обезвоживает быстрее чумы.

Алиса взяла бутылку. Пальцы все еще подрагивали, но уже мелкой, остаточной рябью. Холодное стекло приятно остудило горячую кожу. — Почему? — вопрос вырвался сам собой. Тихий, севший. — Почему вы вмешались? Вы могли проплыть мимо. Любой нормальный человек проплыл бы мимо. Зачем рисковать лодкой ради посторонней женщины, решившей сыграть в Анну Каренину на выезде?

Дрейк перестал возиться с какими-то банками на полке. Он обернулся, оперся бедром о край тяжелого дубового сто-

ла. Скрестил руки на груди. Взгляд его стал серьезным, изучающим. Он смотрел на нее не как мужчина на женщину, а как реставратор смотрит на поврежденное полотно — оценивая масштаб разрушений и возможность восстановления.

— Во-первых, — начал он размеренно, — моя лодка застрахована шутками про Фрэнсиса Дрейка, так что финансовый риск минимален. Во-вторых, любой нормальный человек давно бы умер от скуки, будучи нормальным. Нормальность — это самая дорогая и бессмысленная иллюзия современности. Люди платят ипотеку за бетонные коробки, чтобы иметь право называться нормальными. Я предпочитаю платить налогами за эту дыру в скалах.

Он сделал глоток пива. — А в-третьих... — он помолчал, подбирая слова. — Есть определенный тип женщин. Их видно издалека, даже ночью, даже когда они одеты в мешковину. У них специфическая гравитация. Они либо держат на своих плечах половину мира, делая вид, что им легко, либо идут ко дну с такой скоростью, что затягивают за собой воронку размером с галактику. Ты шла ко дну красиво. Эстетично. Почти картинно, подсвеченная луной. Большинство тонет некрасиво: пузыри, красная рвота, выпученные глаза. А ты плыла прочь от берега с прямой спиной. Будто на прием к королеве опаздывала. Такой уровень отчаяния требует вмешательства службы спасения культуры.

Алиса почувствовала, как щеки заливает жар. Сначала от тепла печки и алкоголя, потом — от стыда и злости. — То

есть я для вас арт-объект? Инсталляция «Танатос в исполнении менеджера среднего звена»?

Дрейк громко, раскатисто расхохотался. Хохот сотряс бревенчатые стены хижины. Он смеялся запрокинув голову, искренне, от души, и этот звук вымывал из пространства последние остатки мистического ужаса пляжа. — Господи, да ты живая! — выдохнул он, вытирая выступившие в уголках глаз слезы. — Я уж думал, там, в воде, остался только сломанный биоробот. Идеальный сарказм выжившего — лучший показатель стабильной психики. Нет, Алиса. Ты не инсталляция. Ты просто человек, которому забыли объяснить, что батарейка имеет свойство садиться. И иногда, чтобы она зарядилась, нужно устроить короткое замыкание. Желательно, в соленой воде.

Он подошел к дивану и тяжело опустился на него, пружины жалобно скрипнули. Закинул ногу на ногу. Достал из кармана джинсов помятую пачку сигарет и простую зажигалку. — Куришь? — спросил он, постукивая фильтром по крышке.

— Бросила, — машинально ответила Алиса. — Три года назад. Когда перешла на должность руководителя отдела. Говорили, руководителям нельзя, дурной пример для подчиненных.

— Руководителей развелось слишком много, — хмыкнул Дрейк, прикуривая. Выпустил струю сизого дыма к потолку, где он собирался сизыми клубами под стропилами. — А на-

стоящих лидеров — дефицит. Лидеру плевать, курят ли его солдаты, если они знают, куда стрелять. Так что кури. Тут отличная вентиляция, дымоход тянет лучше любого офисного кондиционера.

Он подтолкнул пачку к ней по шершавой поверхности стола. — Попробуй. Одну. В качестве терапии. Сигарета после попытки самоубийства — это классика нуара. Мы обязаны соблюсти жанр.

Алиса посмотрела на белую бумажную трубочку. Табак пах медом и черносливом. Это было неправильно. Это нарушало все графики детокса, все оплаченные курсы ЗОЖ, все обещания, данные самой себе в спортзале под жужжание беговой дорожки.

Но разве час назад она не плыла в открытое море, прощаясь с жизнью? Разве этикет выживания не важнее корпоративного?

Она осторожно взяла сигарету. Пальцы все еще плохо слушались. Дрейк щелкнул своей зажигалкой, давая ей огонь. Алиса затянулась неумело, жадно, как в юности. Дым опалил легкие, вызвав мгновенный кашель, но следом пришла легкая, кружащая голову эйфория. Никотин ударил в кровь вместе с адреналином, спиртом и усталостью, создав причудливый коктейль.

— Мерзость, — констатировала она, выдыхая дым. Но уголок ее губ дрогнул в подобии улыбки.

— Первая всегда мерзость, — согласился Дрейк. — По-

том становится ритуалом. Как утренний кофе, только честнее. Кофе обещает бодрость, которой не дает. Сигарета честно говорит: «Сейчас станет чуть легче дышать, а через десять лет ты умрешь, наслаждайся моментом».

Они замолчали. В хижине потрескивал огонь. За окном шумело море, но теперь этот шум был фоновым, безопасным, убаюкивающим. Лампа отбрасывала на лица теплые, медовые тени. Алиса смотрела на этого огромного, заросшего щетиной мужчину, который контрабандой возит лекарства прокаженным и цитирует классиков утопающим, и чувствовала нечто забытое.

Безопасность.

Не броню офиса, не систему страхования вкладов, не надежного парня с ипотекой. А первобытную, звериную безопасность присутствия другого сильного существа, которое стоит между тобой и хаосом. Дрейк излучал спокойствие гранитной скалы. Рядом с ним не нужно было держать спину ровно, следить за выражением лица и вовремя вставлять умные фразы про KPI. Можно было просто быть. Уставшей, мокрой, жалкой, пьяной от страха и спирта.

— Мой телефон... — внезапно вспомнила она. Слово прозвучало чужеродно, из другой вселенной. — Наверное, сдох окончательно. Соленая вода убивает электронику.

— Телефон — это поводок общества, — Дрейк стряхнул пепел в пустую пивную жестянку. — Радуйся. Ты официально вне зоны доступа. Никто не пришлет тебе письмо с тре-

бованием сдать годовой отчет о собственном горе. Можешь плакать, смеяться или биться головой о стену, и последней инстанцией, которая об этом узнает, буду только я. А я плохой свидетель, у меня избирательная амнезия на чужой драматизм.

— Вы невыносимы, — сказала Алиса, но в голосе не было яда. Было удивление. — Вы выбрали тонущую женщину, привезли в свое логово, дали выпить технический спирт, заставили курить контрабандный табак и издеваетесь над ее карьерными амбициями. Вы маньяк?

Дрейк посмотрел на нее долгим, прямым взглядом поверх огонька сигареты. Его темные глаза снова стали серьезными, но в их глубине прыгали те самые золотые искры. — Если бы я был маньяком, Алиса, — произнес он очень тихо, так тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова на фоне шума волн, — ты бы уже была счастлива. Маньяки дают жертвам то, чего те боятся больше всего — потерю контроля. А я пытаюсь вернуть тебе контроль над единственным кораблем, который у тебя есть. Над твоим собственным телом. Видишь? Пальцы уже не синие. Колени перестали трястись. Ты чувствуешь вкус никотина, а не только соль на языке. Это прогресс. Первый шаг от функции обратно к личности.

Слова попали точно в цель. Алиса опустила взгляд на свои руки. Действительно. Багровый цвет отморожения сходил, сменяясь нормальной розоватой кожей. Мелкая дрожь

ушла. Она пошевелила пальцами ног под ворохом пледов. Чувствительность возвращалась тысячей острых иголочек, но это была приятная боль. Боль возвращения к жизни.

— Зачем вы это делаете? — повторила она вопрос, но уже без надрыва. Скорее, как исследователь, наблюдающий редкое природное явление. — Какой ваш интерес? Вы хотите... — она запнулась, подбирая слово, — переспать со мной? Обычно в книгах спасители требуют плату натурой.

Дрейк поперхнулся дымом. Громкий, лающий кашель сотряс его грудь. Он замахал рукой, разгоняя дым, на глазах выступили слезы — на этот раз от смеха. — Боже сохрани, — выдавил он, отдышавшись. — После четырехбалльного шторма и купания в ноябрьской воде единственное, чего я хочу натурой — это миску горячего гуляша и двенадцать часов сна в позе эмбриона. Нет, Алиса. Секс — это отличный способ обмена энергией, но он требует наличия этой энергии у обеих сторон. Ты сейчас энергетически похожа на плоскую батарейку из дешевых китайских часов. Со мной такое случается редко, но сегодня я работаю волонтером Красного Креста. Бесплатно и безвозмездно.

Он затушил сигарету о край жестянки. Движения его стали замедленными, веки начали тяжелеть. Алкоголь и поздний час брали свое. — Ложись, — кивнул он на массивную кровать в углу. — Я брошу себе на диван. Одеяло чистое, грелку я положил туда час назад, простыни пахнут лавандой, а не смертью. Завтра утром найдем тебе сухую одежду — у

моей бывшей подруги, которая съехала отсюда полгода назад, оставив только зубную щетку и коллекцию ужасных романов, остались какие-то спортивные костюмы. Размер примерно твой. Застегнешь на последнюю пуговицу и будешь выглядеть как очаровательный гриб-подосиновик.

Упоминание бывшей девушки кольнуло Алису неожиданным, иррациональным чувством ревности. Ей не хотелось представлять, что в этой кровати, под этим пледом, пахнущим морем и мужчиной, спал кто-то другой. Что эти руки обнимали кого-то до нее.

— А вы? — спросила она, не двигаясь с места. Идти в чужую кровать, пусть даже предложенную с безупречным благородством, казалось вторжением. — Вы ведь тоже промокли.

— Я сделан из старых корабельных досок и скверного характера, — отмахнулся он. — Высохну от внутреннего огня. Иди. Пока твой мозг не решил проанализировать мой альтруизм и найти в нем скрытый подвох, тем самым аннулировав всю пользу от спасения.

Алиса поднялась. Ноги держали уверенно. Кровообращение восстановилось полностью. Она сняла тяжелые, пропитанные солью пледы и аккуратно сложила их на кресло. Оставшись в мокром, прилипшем к телу шелковом платье, она почувствовала уязвимость, но не стыд. Перед Дрейком почему-то не было стыдно. Он видел ее на самом дне, разговаривал с ней среди волн, и любая социальная маска сейчас

выглядела бы нелепым маскарадом.

— Спасибо, — сказала она, останавливаясь у кровати. Это слово казалось ничтожно маленьким для того объема событий, который вместился в последние три часа. — За всё. За лодку. За плед. За то, что не прошли мимо.

Дрейк уже устраивался на диване, стаскивая с себя мокрую футболку. Мускулы спины перекатились под бледной кожей. Он бросил футболку на стул, где она повисла жалкой тряпкой. — Сочтемся, — буркнул он, взбивая подушку. — Завтра днем начнется отлив. Проведем инвентаризацию твоей души. Узнаем, какой балласт можно выбросить за борт, чтобы судно не дало течь при первом же порыве ветра. Спи.

Он отвернулся к спинке дивана, укрываясь своим пледом. Через минуту дыхание его выровнялось, стало глубоким и ровным. Мужчина провалился в сон так же стремительно и естественно, как дышал.

Алиса осталась стоять посреди комнаты. Жар от печки ласкал голые плечи. Хмель постепенно отступал, оставляя после себя ясную, звонкую пустоту. Она посмотрела на огромную кровать. Старое дерево, железные набалдашники, матрас, принимающий форму тела.

Она никогда не позволяла себе спать одна на таких широких кроватях. Всегда казалось, что пустота рядом будет давить. Но сейчас эта пустота манила. Это было пространство. Свобода.

Алиса обошла кровать, задув керосиновую лампу на сто-

ле. Хижина погрузилась в полумрак, освещаемый только рубиновыми углями в печи. В темноте запахи стали ярче: древесный дух старых бревен, кисловатый аромат сохнувшей кожи, тонкий флер мужского парфюма и неизбежный запах человеческого жилья.

Она легла поверх одеяла, не снимая мокрого платья — оно высохнет само от жара печки, став второй кожей. Прижалась щекой к прохладной наволочке подушки, набитой гречневой шелухой. Матрас скрипнул, принимая ее вес.

Сквозь маленькое, мутное оконце под потолком заглядывали звезды. Далекие, равнодушные, вечные. Где-то там, за сотни километров, в стекле и бетоне, Игорь Сергеевич пил свой вечерний зеленый чай и отмечал галочкой пункт «Оптимизация штата». Где-то бывший парень листал ленту соцсетей новой подружки. Где-то коллеги скидывались на торт для стажерки, занявшей ее место.

Алиса закрыла глаза. Впервые за долгие годы тишина ночи не давила. Она обволакивала. Шум прибора за стеной превратился в белый шум, идеальный саундтрек для перезагрузки системы.

Она провалилась в сон мгновенно, без сновидений, без тревожных просыпаний. Последней осознанной мыслью, мелькнувшей на границе яви и забытья, было осознание собственной улыбки. Губы действительно растягивались в улыбке — слабой, едва заметной, но настоящей. Она улыбалась не потому, что все закончилось хорошо. Она понятия не име-

ла, чем закончится завтрашний день. Она улыбалась потому, что впервые за десять лет чувствовала тяжесть мужской руки на талии не как угрозу или обязательство, а как самую надежную точку опоры во всей вращающейся Вселенной.

Глава 3. Легенда о чёрном замке

Рассвет ворвался в хижину не светом, а звуком. Сначала это был низкий, утробный гул — дыхание моря, меняющего направление прилива на отлив. Затем к нему присоединился пронзительный крик кайры, устроившей гнездо где-то прямо на карнизе окна. Алиса открыла глаза рывком, как от толчка, и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь соотнести себя с реальностью.

Она лежала на огромной кровати под тяжелым шерстяным одеялом. Тело ныло сладкой, глубокой болью вчерашнего перенапряжения, но голова была ясной. Память работала идеально, восстанавливая цепочку событий: офис, коробки, пляж, Элей, ледяная вода, лодка, спирт, сигарета. Самым ярким воспоминанием было ощущение стальной руки Дрейка на ее талии посреди бушующей ночи.

Самого Дрейка в комнате не было. Диван у печи пустовал, плед был аккуратно сложен стопкой. На столе стояла дымящаяся кружка, от которой шел густой аромат чабреца, меда и чего-то горьковато-лесного. Рядом лежал кусок свежего хлеба домашней выпечки и головка козьего сыра. Одежда — те самые мокрые лохмотья, бывшие вчера вечером шелковым платьем — исчезла. Вместо них на деревянном табурете была сложена простая одежда: плотные темно-серые штаны из грубой ткани, похожей на парусину, и толстый вязанный сви-

тер цвета овечьей шерсти.

Алиса села, поежившись от утренней прохлады. Печка остыла, и камни пола высасывали тепло даже сквозь толстые носки, которые она обнаружила рядом с кроватью. Надев чужую одежду, она почувствовала себя странно защищенной. Свитер пах дымом, мужским потом и чем-то неуловимо пряным — личным запахом Дрейка. Штаны оказались чуть длинноваты и пришлось их подвернуть, открыв тонкие щиколотки. В таком виде она больше походила на юнгу-переростка или беглую послушницу, чем на бывшего руководителя аналитического отдела транснациональной корпорации.

Дверь хижины была распахнута настежь. Снаружи лился холодный, хрустальный свет утра. Небо очистилось до первозданной синевы, лишь у самого горизонта висели рваные клочья перистых облаков, окрашенные в нежно-розовый. Море отступило, обнажив широкую полосу влажного песка, черных камней, облепленных мидиями, и гниющих водорослей. Воздух был настолько чистым, что каждый вдох требовал привыкания — легкие отказывались принимать столько кислорода сразу после душного офиса.

Алиса вышла на порог, жмурясь от солнца. Дрейк сидел на перевернутой лодке метрах в десяти от воды. Он был босиком, закатанные джинсы обнажали мускулистые икры, покрытые темными волосками. В руках он держал старую латунную астрольбию, протирая ее мягкой ветошью. Его про-

филь казался вырезанным из гранита — сосредоточенный, спокойный, абсолютно уместный в этом диком пейзаже. Он выглядел так, словно родился здесь, среди скал, и просто забыл состариться.

— Проснулась, утопленница? — спросил он, не поднимая головы от прибора. Солнечные блики играли на полированной латуни. — Как спалось в логове контрабандиста? Клопы не заели?

— Только призраки бывших владельцев, — ответила Алиса, подходя ближе. Песок приятно холодил ступни. — И твоя бывшая девушка оставила мне отличный костюм гриба. Где мои вещи?

— Сгорают во славу Нептуна, — фыркнул Дрейк. — То платье годилось только на то, чтобы мыть им палубу. Я оставил его чайкам на тряпки. Ешь. Козий сыр бодрит лучше нашатыря.

Он кивнул на стол. Алиса вернулась в хижину, взяла кружку. Чай оказался густым, терпким, почти смолистым. Она сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу, прогоняя остатки ночной дрожи. Сыр действительно имел вкус взрыва — острый, соленый, живой. Хрустящий хлеб с корочкой запечатлел на себе отпечаток старой чугунной сковороды. Это была самая честная еда в ее жизни.

Когда она снова вышла на улицу, Дрейк уже закончил возиться с навигационным прибором и теперь смотрел вдаль, приставив ладонь ко лбу щитком. Его взгляд был прикован к

горному хребту на севере. Горы стояли черной, неприступной стеной, уходящей вершинами в стратосферу. Даже сейчас, залитые утренним солнцем, они отбрасывали на долину такую глубокую тень, что казалось — там всегда вечер.

— Что ты видишь? — спросила Алиса, становясь рядом. Чтобы смотреть ему в лицо, ей приходилось задирать голову.

— Барьер, — коротко ответил он. — Холодный фронт. И кое-что похуже. Видишь вон ту седловину между двумя пиками? Там воздух... стоит неправильно. Мерцает.

Алиса прищурилась. Из-за слезящихся глаз и расстояния детали сливались, но если долго всматриваться, можно было заметить легкую оптическую иллюзию над перевалом. Словно горячий воздух дрожал над асфальтом, хотя утро было морозным. Пространство там искажалось, преломляя лучи света под неестественным углом.

— За этим хребтом начинается другая география, — Дрейк опустил руку и повернулся к ней. Теперь он смотрел на нее сверху вниз, но взгляд его был серьезным, без тени вчерашней насмешливости. — Другое время. Другие законы физики. Королевские картограферы называют эту зону «Терра Инкогнита» и рисуют там морских чудовищ. Церковь называет ее Приграничем Отчаяния. А местные рыбаки, вроде меня, зовут ее просто «Задний двор».

— О чем ты говоришь? — нахмурилась Алиса. Утренняя легкость начала сменяться привычной тревогой рационального человека, столкнувшегося с откровенным бредом. —

Мы же не в Средневековье. Спутниковые карты давно отсняли каждый сантиметр планеты. Если бы там стоял замок, его бы нашли туристы с дронами еще лет десять назад.

— Ты слишком веришь своим мертвым стекляшкам, — усмехнулся Дрейк, доставая из кармана куртки трубку. Он начал неспешно набивать ее табаком, утрамбовывая большим пальцем. — Спутники видят только то, на что им дано разрешение смотреть. Есть старая магия первого порядка. Называется «Сдвиг перспективы». Любой объект, скрытый ею, для объектива камеры выглядит как обычное скальное образование. Для радара — как атмосферная аномалия. Для человеческого глаза — как легкое головокружение и желание поскорее отвернуться. Люди веками смотрят на этот хребет и видят просто горы. Потому что видеть *его* больно для рассудка.

— Замок, — догадалась Алиса. Сердце пропустило удар, а затем забилось быстрее. Тот самый липкий страх, который она испытала ночью перед Элеем, попытался вернуться, но сегодня он почему-то смешивался с диким, почти детским азартом.

— Не просто замок, — поправил Дрейк, раскуривая трубку. Клуб сизого дыма поплыл в сторону моря. — Черный Замок Акрос. Или, как шепчутся в портовых тавернах, когда переберут рома, — Шпиль Окончательных Ответов. Огромная игла из обсидиана, которую вбили в самое сердце мира. Говорят, его строили не люди. Говорят, камни сами текли

и складывались в стены, подчиняясь воле того, кто первым понял, что Вселенная — это всего лишь плохо написанный черновик.

Алиса слушала, затаив дыхание. Контрабандист, философ, спасатель утопающих превращался в сказителя. Низкий тембр его голоса вибрировал в утреннем воздухе, придавая словам вес физической материи.

— Зачем его построили? — прошептала она.

— Знание, — выдохнул Дрейк вместе с дымом. — Первородное знание. Истинную карту причинности. Понимаешь, девочка, ваш мир живет на упрощенной версии движка. Вам дали свободу воли, но забыли выдать инструкцию пользователя. Вы тыкаете кнопки наугад, удивляясь, почему программа зависает, выдавая депрессию, войны и инфляцию. В Черном Замке хранится исходный код. Архитектурные чертежи судьбы. Тот, кто доберется до библиотеки в центральной башне, сможет переписать любую переменную своей жизни. Стереть Игоря Сергеевича одним нажатием клавиши "Delete". Вернуть любовь тех, кого оттолкнул. Выключить физическую боль. Исправить баг старения.

— Это звучит как дешевая фантастика, — сказала Алиса, но голос ее предательски дрогнул. Образ стеклянных небоскребов и Excel-таблиц показался вдруг жалким, двумерным рисунком на фоне этой объемной, мрачной легенды.

— Это звучит как единственный смысл, ради которого стоит вылезать из-под теплого одеяла, — парировал Дрейк.

Он подошел к самой кромке воды, где песок переходил в мелкую гальку. — Но есть нюанс. Замок не берет экскурсантов. У него очень строгий фейсконтроль. Первая линия обороны — природа. Долина перед хребтом называется Шепчущими Песками. Там ветер говорит голосами всех, кого ты когда-либо предавал. Идешь по барханам, а мать кричит тебе в ухо, что ты мало навещал ее в больнице. Идешь дальше — бывший друг напоминает про долг в три тысячи рублей десятилетней давности. Большинство сходят с ума от чувства вины еще до того, как увидят первую стену.

Алиса сглотнула ком в горле. Голоса прошлого — это территория, по которой она гуляла еженощно.

— Допустим, я прошла пески, — хрипло сказала она. — Что дальше?

— Дальше Стражи Границы, — Дрейк ткнул черенком трубки в сторону гор. — Они называют себя Орденом Равновесия. Высокие ребята в серебряных масках. Вооружены алебардами из лунного серебра и абсолютной убежденностью в том, что человечество не готово к правде. Их логика проста: если дать людям доступ к редактированию реальности, первый же обиженный подросток сотрет Солнце, потому что оно мешает ему спать. Они убивают быстро и вежливо. Никакой крови, просто пепел. Очень экологично.

— А если пройти мимо рыцарей? — Алиса подошла к нему вплотную. Соленый ветер трепал волосы, выбившиеся из высокого хвоста.

— Тогда начинаются настоящие хозяева дома, — лицо Дрейка стало жестким, губы сжались в тонкую линию. — Маги-Консерваторы. Древние сущности, которые живут внутри камня замка. Им не нужны ни деньги, ни власть. Они питаются потенциалом. Когда маг смотрит на тебя, он видит все твои неслучившиеся жизни. Кем бы ты могла стать, если бы не побоялась ответить тому мальчику в пятом классе. Кем бы стала, если бы уволилась сама, не дожидаясь пинка. Эти варианты будущего висят вокруг тебя сияющими нитями. Маг тянет за нужную нить — и ты распадаешься на атомы, потому что твоего настоящего тела недостаточно, чтобы вместить энергию упущенных возможностей. Они растворяют любопытных в чистой математике сожаления.

Дрейк замолчал, глядя на горизонт. Трубка потухла, но он продолжал сжимать ее в зубах. — И наконец, — продолжил он тише, почти интимно, — сам хозяин. Тот, кто встретил тебя вчера на пляже.

Алиса вздрогнула. Имя застыло на языке, холодное и колющее. — Элей.

— Ты уже дала ему имя, — констатировал Дрейк. В его глазах мелькнуло одобрение. — Молодец. Назвать зверя — значит получить над ним часть власти. Да, это его охотничьи угодья. Он не страж. Он гораздо хуже. Он — Главный Архитектор Багов. Демон парадокса. Его работа — следить, чтобы никто лишний не прошел фильтры. Он не убивает. Это было бы слишком милосердно. Он предлагает сделку.

Ту самую, что предлагал тебе. Абсолютный покой. Нирвану. Отсутствие боли через отсутствие субъекта. Растворение. Девять из десяти купившихся думают, что обманывают систему, получая вечный отдых бесплатно. На самом деле они просто отдают ему свои души в качестве строительного материала. Из них он мостит полы в тронном зале своего отчаяния.

Повисла тяжелая пауза. Информация переваривалась медленно, вызывая тошноту и одновременно лихорадочный блеск в глазах. Алиса посмотрела на свои руки. Костяшки пальцев побелели.

— Ты рассказываешь мне это, — произнесла она медленно, поворачиваясь к нему всем корпусом, — потому что хочешь отговорить? Сказать, что это билет в один конец и я очередная сумасшедшая туристка?

Дрейк вынул трубку изо рта и посмотрел на нее в упор. Расстояние между ними сократилось до шага. Она снова ощутила ту гравитацию, которая притянула ее к нему прошлой ночью в лодке. Но сейчас это поле было заряжено иначе. Это было напряжение двух клинков перед поединком.

— Нет, — сказал он ровно. — Я рассказываю тебе это, потому что хочу знать цену. Вход бесплатный, выход обычно тоже — в виде праха по ветру. Но вход возможен. Я знаю тропу через Шепчущие Пески. Мой дед провел контрабандой одну книгу из той библиотеки. Одну страницу, если быть точным. Он выжил, но ослеп на оба глаза и следующие два-

дцать лет смеялся, когда ел суп, потому что помнил формулу безусловной радости, записанную на полях поваренной книги. Я могу провести тебя до подножия хребта. Дальше пойдешь одна. Мое присутствие вблизи замка вызывает у Стражей профессиональный интерес, а мне пока нравится моя печень.

— Почему? — выдохнула Алиса. Вопрос вырвался сам собой. — Почему ты готов рисковать головой, вести меня туда, кормить сыром и рассказывать сказки? Какой твой процент, Дрейк? Золото? Редкие артефакты? Формула бессмертия?

Он шагнул к ней. Резко, порывисто. Алиса инстинктивно отступила на полшага, пока лопатками не уперлась в холодный борт лодки. Дрейк навис над ней, опираясь руками о дерево справа и слева от ее головы, заключая в ловушку собственного тела. Близость была внезапной, подавляющей. Она чувствовала жар, исходящий от него, запах крепкого мужского пота, табака и моря.

— Мой процент, — его голос стал низким, вибрирующим, касаясь кожи шеи, — заключается в одном слове. Которое вы, городские крысы, совершенно разучились произносить всерьез. Приключение.

Он слегка наклонился, их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга. Темные глаза смотрели не с вождедением, а с исследовательским интересом, как энтомолог смотрит на редкого мотылька. — Моя жизнь — это логистика. Перевозка просроченных антибиотиков, мешков с контра-

бандным кофе и редких специй. Это скучно, Алиса. Это математика смерти. А тут появляешься ты. Мокрая, замерзшая, с глазами самоубийцы, и просишь отвезти тебя к главной загадке мироздания. Это нарушает мой бизнес-план. Это сулит огромные убытки. Меня могут четвертовать Серебряные Стражи просто за факт знакомства с тобой. Но впервые за пять лет мое чертово сердце бьется не в ритме гребных весел, а делает сальто-мортале. Мне шестьдесят миль до спазма в скулах интересно, хватит ли у тебя духу сделать второй шаг, когда первый будет стоять тебе сломанной ноги.

Он выпрямился, разрывая контакт, и отошел на пару шагов, возвращая ей пространство. Легкость вернулась на его лицо, но глаза остались серьезными. — Кроме того, — добавил он буднично, вытряхивая пепел из трубки, — библиотекарки ненавидят пыль. А твоя душа сейчас — это идеальный пылесос. Много свободного места. Можно собрать уникальные данные.

Алиса закрыла глаза, прислонившись затылком к шершавому дереву борта. Внутри происходила титаническая борьба. Весь ее жизненный опыт, вся социализация, весь здравый смысл визжали благим матом. Это безумие. Бред контуженного моряка. Синдром выжившего. Стокгольмский синдром жертвы кораблекрушения. Ей нужно найти ближайший полицейский участок, сдать анализы на переохлаждение и позвонить какому-нибудь дальнему родственнику, чтобы тот купил билет домой.

Но она открыла глаза и посмотрела на север. На черный провал хребта. На место, где мерцал воздух. Вчера утром она была функцией. Ресурсом. Графиком падения конверсии. Ее ценность определялась способностью приносить прибыль другим людям. Потом она стала никем. Обнуленным файлом, который система приготовила к удалению. Элей предложил ей идеальное решение корпоративной этики — полное форматирование носителя. Вечный неоплачиваемый отпуск.

Здесь, стоя босиком на холодном песке, одетая в чужой свитер, пахнущий свободой, она впервые за десятилетие почувствовала себя субъектом. Автором. Пусть автором собственной гибели, но именно своей. Мысль о возвращении в город, в квартиру с видом на кирпичную стену, к обновлению почты каждые полчаса, вызвала приступ физического отвращения, граничащего с рвотой. Там не было ничего. Пустота, закамуфлированная под ипотеку и социальный пакет.

— Когда мы выдвигаемся? — спросила она. Голос прозвучал хрипло, но твердо.

Брови Дрейка поползли вверх. Он ожидал спора, уговоров, женской истерики или долгого торга. Он явно не был готов к такой быстрой капитуляции. — Ты хоть слышала половину из того, что я говорил? — уточнил он подозрительно. — Про магов, пожирающих несбывшиеся мечты? Про демонов бюрократии?

— Я финансовый аналитик, — криво усмехнулась Али-

са, отталкиваясь от лодки. Земля больше не качалась. — Я умею оценивать риски. Риск остаться прежней — сто процентов гарантированного духовного банкротства. Риск пойти с тобой — вероятностная смерть с шансом узнать правду. Математика на моей стороне.

Дрейк долго молчал, разглядывая ее лицо, ища признаки безумия, страха или блефа. Не нашел. Перед ним стояла женщина с сухими глазами и прямой спиной. Женщина, которая пережила ночь в открытом море и решила, что этого опыта маловато для полноценной биографии.

— Тебе нужна нормальная обувь, — наконец вздохнул он, сдаваясь. — В моих сапогах сорок третьего размера ты будешь выглядеть как цирковой аттракцион. Пойдем.

Он направился обратно к хижине. Алиса последовала за ним, чувствуя, как одиночество, давившее на грудь свинцовой плитой последние годы, окончательно рассыпается в прах. Впереди ждали верная гибель или невозможное чудо. Впервые за долгое время оба варианта казались предпочтительнее серой обыденности.

Внутри хижины Дрейк открыл массивный сундук, окоченный медью, который служил ему столом. Запах сухого дерева и нафталина ударил в нос. Он начал выкладывать на доски содержимое: Тяжелые кожаные ботинки на толстой рифленой подошве, со шнуровкой до колена. Железные вставки в носках говорили о том, что ими часто проверяли прочность чужих зубов. Два кинжала в потертых ножнах.

Рукояти были обмотаны кожей акулы. Компактный арбалет, который можно было разобрать на две части и спрятать под плащом. Несколько плотно закупоренных флаконов из темного стекла. И старый, потертый кожаный рюкзак с множеством внешних ремней.

— Ботинки принадлежали одному гвардейцу, который решил искупаться в нетрезвом виде во время шторма, — комментировал Дрейк, придвигая обувь к Алисе. — Размер примерно твой, он был сублильным. Натяни две пары шерстяных носков.

Алиса сбросила домашние тапочки и принялась шнуровать тяжелые ботинки. Кожа скрипела, металл пряжек холодил пальцы. Каждый затягиваемый узел ощущался как подписание контракта. Она надевала на себя униформу другого мира. Мира, где проблемы решаются не созвонами в Zoom, а длиной лезвия и выносливостью легких.

— Что в пузырьках? — спросила она, закрепляя арбалет на раме рюкзака. Механизм щелкал сухо и хищно.

— Стандартный набор идиота-авантюриста, — Дрейк вытащил пробку из одного флакона. Пахнуло озоном и жженым сахаром. — Слеза Гор. Останавливает кровотечение, даже если тебе оторвало ногу по бедро. Действует минут десять, дает время либо наложить жгут, либо помолиться. Второй — Эссенция Глубин. Три капли на язык, если начнешь тонуть в собственных кошмарах или маг попытается вскипятить твой мозг взглядом. Работает как нашатырный спирт

для души, но после него сутки будешь слышать мысли рыб. Третий — вообще не трогай, это средство для чистки котла, жуткая отравка, беру на случай, если придется травить колодцы врагам.

Он собрал свой мешок с провизией — вяленое мясо, галеты, фляги с водой. Все движения были отработанными, экономичными. Ни одного лишнего жеста. Мужчина собирался на войну или на рынок, с одинаковым равнодушием к конечному результату.

— Расческа есть? — спросила Алиса, затягивая собственный пояс. Волосы превратились в сплошной колтун после морской соли.

— Вычесывай пальцами, — отрезал Дрейк, закидывая свой огромный мешок на плечо. — Эстетика сгорит в первом же костре. Выход через десять минут. Нужно успеть пройти прибрежную топь до того, как солнце поднимется выше и привлечет болотных прыгунов. Они любят теплую кровь и громкие разговоры.

— Болотные прыгуны? — уточнила Алиса, проверяя, легко ли выходит кинжал из ножен.

— Размером с собаку, прыгают на звук сердцебиения, — бросил он через плечо, выходя на улицу. — Милые создания. Главное — не смотри им в глаза, они гипнотизируют жертву, заставляя саму лезть в пасть. Экономит им калории на преследовании.

Алиса глубоко вдохнула спертый воздух хижины в по-

следний раз и шагнула следом за ним. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы начать припекать плечи. День обещал быть жарким.

Они шли вдоль линии прибоя около часа. Дрейк впереди, прокладывая путь через нагромождения плавника и скользких камней. Алиса шла сзади, стараясь попадать точно в его следы. Новые ботинки натирали пятку, несмотря на двойные носки, но эта боль была отличным якорем, удерживающим в реальности. Рюкзак поначалу казался легким, но с каждым шагом лямки все глубже впивались в плечи.

Город остался далеко позади, превратившись в едва заметную белую полосу бетона на горизонте. Вместе с ним исчезли вышки сотовой связи, линии электропередач, шум дорог. Мир сужался до трех стихий: камня, воды и неба.

— Скажи, — нарушила молчание Алиса, перепрыгивая через ручей, впадающий в море. — Те маги в замке... они читают мысли?

— Они считывают архитектуру намерения, — отозвался Дрейк, не оборачиваясь. — Ты можешь думать о бабочках и радуге сколько угодно. Но если в глубине души ты идешь туда, чтобы спросить «Почему меня никто не любит?» — они услышат этот фундаментальный вопрос раньше, чем ты сделаешь первый шаг по лестнице. Они бьют не по мыслям. Они бьют по пустоте, которую эти мысли пытаются заполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.